

«Яз» неуязвимый

с. 24

Попасть в Переславль-Залесский мне хотелось давно. Интересовал этот древнейший российский городок, ещё более древний, нежели сама старушка-Москва.

Переславль вдали от железной дороги. Зато он стоит на сто тридцать пятом километре от Москвы по Ярославскому шоссе,.. а на этом шоссе, на участке Сергиев—Переславль, ежедневно катают взад и вперёд трое мятых доморожденных грузовика ярославского производства.

«Яз» — прекрасная марка, и смею уверить, что далеко не всякая заграничная марка сможет выдержать то, что до сих пор выдерживают эти три лихих «Яза» с грузоподъёмностью в N-ное количество тонн... Впрочем, по порядку.

Мы с приятелем вышли из вагона дачного поезда на станции Сергиево. Минут двадцать ходьбы — и мы возле старинной башни «знаменитой лавры». Под ней домик с вывеской: «Автобаза». Рядом стоит трясущийся на холостом ходу огромнейший «Яз», накачивающий мотором собственный пневматик чудовищных размеров. На грузовике навалено груза вышиной с хорошую избу и от этого «Яз» кажется ещё более громоздким.

Машина нагружена мёртвым и живым грузом. Людей не меньше, чем на добрую тонну весом. Они молча и серьёзно оглядывают нас с высоты птичьего полёта. Люди в толстовках, в пиджаках, в коротких городских юбках и в деревенских платочках с узелками, с чемоданчиками; некоторые с портфелями, а один даже с собакой. Под грузовиком валяется здоровенный чурбак. Вокруг грузовика сидят на своих пожитках с полсотни людей, скучающих и раздражённых. Это — автопассажиры, дожидаящиеся двух следующих «Язов», которые пока ещё грузятся мёртвым грузом на станции.

Усаживаемся на траву. Рядом толсторожий гражданин с подвязанной щекой. Знакомство завязывается само собой и толсторожий сообщает нам, что ему надуло щёку. Ездит же он в Переславль каждую неделю.

— Не ездите ни на первом, ни на втором номере, — советует он нам. — На тех грузовиках тормоза не держат.

— Почему же тормоза не держат? — удивляюсь я.

— Потому задние рессорины поломаны.

— Почему же поломаны?.. Дорога что ли плоха?

— Нет... из-за перегрузу.

— Почему же перегруз?.. Почему рессоры не сменяют?

— Потому некогда... Опять же производственный план натягивают, а людей здесь за груз не считают.

— Почему же не считают?

— Потому горстанция за проезд по два целковых с рыла берёт. Шофёр, конечно, тоже через пассажиров доходик имеет...

— Но как же можно ездить без тормозов, — удивляюсь я. — Ну, скажем, под горку ехать, а навстречу воз, стадо, люди, наконец... Ведь эдак можно подавить и народ и скотину!..

— Они и давят, — просто отвечает толсторожий, сплёвывая через зубы.

— Много? — спрашиваю я.

— Почти каждый раз...

Мы с приятелем многозначительно переглядываемся и с опаской посматриваем на грузовик, у которого радиатор, крылья и единственная уцелевшая фара выглядят довольно зловеще, нося явные следы великих потрясений. Пока мы рассматриваем машину, шофёр садится за руль и намевается включить скорость.

— Обождите, обождите! — невольно кричу я шофёру. — У вас под машиной лежит здоровенный чурбак,.. вы поломаете дифференциал!..

Поздно. Шофёр уже отжал конус и заднее колесо с треском грузно налетает на толстенный чурбак. «Яз» вздрагивает всем корпусом. От толчка чуть не сыпятся вниз примостившиеся наверху люди.

— Это он починку делает, — спокойно поясняет нам толсторожий. — У него задние рессоры поломаны и отошли. Ну, стало быть, шофёр и хочет маленько зад оттянуть, чтобы рессорина на своё место дошла.

Между тем грузовик, отпрянув назад, снова и снова налетает задом на чурбак и нам приходится констатировать высокую доброкачественность продукции Ярославского завода. «Починкой» руководит механик в засаленной спецодежде. Заставив шофёра повторить опыт с чурбаком не менее трёх раз, механик, видимо, удовлетворён. Он лезет под машину и извлекает чурбак. Теперь всё готово к отходу. Качаясь как пароход на волне, перегруженный сверх всякой меры, «Яз» трогается с места.

— Эй, граждане пассажиры, аккуратнее!.. Спрячьте головы, проволока! — кричит вслед грузовику механик. Люди на грузовике все одновременно отвешивают низкий поклон и благополучно проскакивают под телеграфными проводами.

— А ведь этак можно и без головы очутиться... — говорю я толсторожему.

— Факт, — отвечает он и снова сплёвывает через зубы.

с. 25 Но вот к Уточкиной башне подкатывают №№ 2 и 3. Они кажутся движущимися домами, до того они нагружены всякой всячиной. При виде долгожданных машин сидящие на травке автопассажиры вскакивают все разом.

Теперь на всех лицах написаны остервенение и решимость. Народ кидается к грузовикам и берёт их приступом, карабкаясь на пневматики и судорожно цепляясь за брезент и верёвки, которыми увязан груз. Мы с толсторожим лезем на № 3, на который кроме нас карабкается ещё человек двадцать.

Механик-спец оглядывает критическим оком прибывшие «Язы». Он подходит к рессорам и мрачно забивает в них какие-то деревянные клинушки, затем что-то прикручивает и подвязывает обрывками проволоки. Покуда грузовики наливаются бензином, на сцену снова появляется всё тот же толстенный чурбачище и «№ 2» с неистовством насккивает на него. «Починка» закончена... но что это?.. Теперь и под наш хваленый «№ 3» тоже подсовывают проклятый чурбак.

— Эй, дядя, али и ты рессорины свои поломал?.. Давно ли? — вопрошает шофёра наш толсторожий знакомый.

— Пустяки... По два листа на обеих задних.

— А тормоза твои держат?

— А с чего им держать-то!.. Известно, нет...

— Та-ак.

— Эй, граждане, держись!..

Толчок ужасен. «Яз № 3» хрипит и рычит, как лев в зоопарке перед кормёжкой...

Оба «Яза» плачут и заливаются горячими слезами. Должно быть, им больно: слёзы так и капают с их мятых паянных радиаторов.

— Граждане, платите деньги и получайте билеты! — заявляет наш шофёр, вскарабкавшийся к нам наверх с билетной книжкой в руках.

— Позвольте спросить, — обращаюсь к нему, — какой должна быть ваша предельная нагрузка?

— Три с половиной тонны... а что?

— А сколько вы сейчас приняли грузу?

— Четыре тысячи сто кило...

— Но ведь это уже больше четырёх тонн, а с пассажирами — и все пять с половиной будет!.. Скажите, кто у вас тут вообще является ответственным?..

— Платите деньги, гражданин, или слазьте, коли вам тут не нравится...

* * *

«№ 2» уже отвалил. Теперь наша очередь.

— Проволока... берегись! — слышу я окрик механика в спецодежде и одновременно чувствую, как что-то тонкое, медное и звенящее чуть оглаживает кончик моей фуражки.

Мимо нас мелькают сергиевские дома. Мы сидим вровень со вторыми этажами и любимся на спины крестьянских коней, которые шарахаются и пятаются от нас.

Крутые подъёмы и жуткие спуски следуют один за другим. Если под горой путь свободен, мы мчимся без тормозов, развивая головокружительную скорость. Когда же внизу видно препятствие, шофёр включает вторую, а иной раз даже первую скорость. Правда, в таких случаях из коробки скоростей доносится такой душераздирающий вой, что кажется, будто несчастные шестерёнки вот-вот разлетятся на атомы, однако «Яз» поистине неуязвим, и как его не пытаются поломать, он упрямо не желает сдаваться... Впрочем, что прикажете делать шофёру на спусках, когда у тормозов забастовка, а навстречу гонят стадо коров.

— А вот тут мы на номере втором под откос загремели, — указывает нам толсторожий. — Эн столбушка и ёлка сшиблены, видали?..

— Расшиблись?

— Не... Так, девчонку одну малость помяло.

— Ну, а машина?

— Лопатами откапывали... Тут делов было — жуть!

— А вот на этом месте. Эн супротив тех дубов, двоих сшибанули: — мужчину да женщину...

— Весёленькая история!.. И что же шофёру?

— Три дня отсидел, а теперь снова катает... хотя суд ему всё-таки будет.

— Я бы не шофёра, а вашу горстанцию под суд закатал.

Километр за километром мы проглотили уже полдороги. Стемнело, и единственная наша фара криво освещает шоссе. Каждый километр будит в толсторожем всё новые кошмарные воспоминания. Нам становится не по себе...

Неожиданно один из гигантских пневматиков испускает жалобный и свистящий вздох. Прокол камеры. Приходится остановиться. На сцену появляется домкрат. Несколько крепких чисто русских восклицаний и, наконец, негодная камера заменена новой — запасной. Снова врезаемся мы в темноту ночи, пронзая её единственным нашим глазом. Так мчимся ещё километр, преодолеваем его и останавливаемся вторично. Что случилось?..

Шофёр с напускным равнодушием объявляет нам, что дальше ехать не на чем: запасных камер больше нет. Клею тоже нет...

— Что же теперь делать?.. В деревню на ночёвку, что ли?

— Ежели вы ходок — ступайте... Километров пять будет, не меньше!..

В томительном и бездеятельном ожидании проходит часа полтора. Холодно. Сыро. Из-за низины лезет молочный туман. Автопассажиры теснятся к дымящемуся костру и нетерпеливо оглядываются на шоссе. Но как мы ни напрягаем зрение и слух — глаза наши видят только туман, а уши слышат только храп человека, спящего на вершине «Яза №3». Человек этот небольшой, рыженький. От него исходит тончайший запах госспирта, а заснул он ещё в Сергиеве, лишь только взобрался на грузовик. С тех пор он не просыпался. Кто он — никому не известно.

— Эй, братва, заваливайся спать!.. Теперь всё равно никуда не уедем, а утречком первый и второй номера обратно в Сергиев поедут... авось они нас камерой выручат. — Мне не спится. В душе клокочет злоба и раздражение. Короткая июньская ночь быстро отступает перед утренней зарёй. Просыпается, наконец, и маленький рыженький пассажир.

— Эй, чего стоим?.. — уже второй раз кричит он осипшим голосом с высоты своего ложа, но никто не отвечает ему. Наконец рыжий спускается и зябко подходит к костру.

— Давно стоим тут? — спрашивает он меня.

— Давно, — нехотя отвечаю я. — Разве не видите — уж светает! — Рыжий протирает глаза и с удивлением оглядывается.

— Али поломка какая?.. — продолжает он интересоваться.

— Ну да, поломка... Последнюю камеру разорвало, а клеить нечем...

Рыжий соображает две-три секунды и вдруг решительно заявляет.

— Сейчас починим-с! Давайте сюда камеру!..

— Чем вы чинить будете!.. Говорю вам, клею у нас нет ни капли.

— Мы не то что камеры-с... мы калоши-с, и те в наилучшем виде-с заливаем-с!.. честь имею представиться: Иван Васильев, мастер по заливке калош-с...

— Что вы говорите?!.. И аптека ваша тут, с вами?

— При полном оборудовании-с в Переславль следуем-с!

— Чего же вы до сих пор, чёрт вас возьми, молчали! Мы бы уж давно в Переславле были.

Через час мы въезжали в старинный Переславль. Солнце весело улыбалось, вылезая из-за холма. Налево сверкало прекрасное огромное озеро.

— Коли случится что с вашими калошами-с, прямо ко мне-с, ни к кому другому-с, — говорил мне рыжий, обнимая меня, чтобы не свалиться на толчках. — Работаем мы с гарантией-с... прочно-с... изящно-с... долговечно-с... недорого-с...

Рыжий был мастером своего дела.